

«ВОЙНА И МИР» Л.Н.ТОЛСТОГО В ДИАЛОГЕ С «ЯРМАРКОЙ ТЩЕСЛАВИЯ» В.М.ТЕККЕРЕЯ

Екатерина Тупова

Статията е посветена на рецепцията на Л.Н. Толстой на романа „Панаир на суетата“ от У.М. Текери и на интерпретацията на конкретни преплитания, които се откриват в текста на романа епопея „Война и мир“. Тясната връзка между творческия метод на двамата писатели вече е била отбелязвана в изследователската литература (Б. М. Айхенбаум, В.Б. Шкловски); редица научни работи са посветени на това по какъв начин Толстой усвоява опита на Текери в „Севастополски разкази“. Статията представлява опит да се допълнят и развият направените наблюдения, чрез посочване на „ехото“ от Текери във „Война и мир“. Анализът на сюжетните и смисловите пресичания позволява, първо, по-ясно да се представи същността на „антигероичната“ и „историческата“ реторика на Толстой и, второ, да се разбере как се е променял подходът, усвоен в младостта, в зрялото творчество на писателя.

Ключови думи: Л. Толстой, У. М.Текери, „Панаир на суетата“, „Война и мир“, компаративистика, англо-руски литературни връзки, руска литература на XIX век

This report is devoted to an analysis and Interpretation of correlations between Leo Tolstoy's works and the novel «Vanity Fair» by W. M. Thackeray, especially cases of literary borrowing in «War and Peace». A number of scholars noted the close relationship between creative method of two writers (B.Eikhenbaum, V. Shklovsky) and echoes of Thackeray's writing in «Sevastopol Sketches». The purpose of this paper is to complement notes which has been already done by a detailed consideration of other aspects of reception in «War and Peace». The hypothesis is that we can find traces of Thackeray's motives in drafts and final edition of the epic novel.

Key words: L. Tolstoy, W. M. Thackeray, «Vanity Fair», «War and Peace», comparative literature, English-Russian connections, Russian literature of XIX-th century

История знакомства Л. Н. Толстого с творчеством У. М.Теккеря достаточно хорошо изучена (Нуралова 1989; Гнюсова 2008). Весной-летом 1855 Толстой знакомится сразу с несколькими романами писателя, в том числе «Ярмаркой Тщеславия». В это время он работает над рассказами «Рубка леса» (закончен 18 июня) и «Севастополь в мае» (Толстой 47: 47). Н.И. Бурнашева (Бурнашева 1999) и И.Ф. Гнюсова (Гнюсова 2008) отмечают, что в «Севастополе в мае» Толстой актуализирует контекст «Vanity Fair».

Действительно, на это указывает прямая отсылка к тексту Теккеря (Толстой 1928-1964: 4, 24), а также рассуждения автора в начале и в конце произведения. Толстой,

словно продолжая мысли Теккерей о «романе без героя», пишет, что герой его повести, которого он «старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда» (Толстой 1928-1964: 47, 59). Ориентация на Теккерей в «Севастополе в мае», видимо, актуализировала и мотив «ложного подвига». Сравнивая «страшную повесть» Регула и рассказ Песта, мы видим, что подобно тому, как «the disasters deepened as Regulus spoke (Thackeray 1848: 2, 91), «передавая подробности, юнкер выдумывал и хвастал» (Толстой 1928-1964: 4, 44-45). Толстой не только заимствует прием, но и значимо изменяет его: писатель проговаривает мотивировку поведения и создает альтернативное представление о событии «как оно было», чего не делает Теккерей. Найденный прием — разоблачение «наивного» вруна — будет позже использован в «Войне и мире».

Не ограничиваясь одним эпизодом, Толстой делает склонность к выдумке типической чертой Песта. Герой приукрашивает не только детали своего участия в сражении, но и роль в «околовоенных» событиях (переговорах). Толстой в «Севастополе в мае», высмеивая конкретный случай искажения действительности, соединяет свое наблюдение с указанием на общую склонность к созданию «мифов». Вспомним историю, что воодушевляет Калугина. Якобы, раненый адъютант, выполнив поручение, подскакал к Наполеону, извинился за свою смерть и умер. Для Калугина эта история — модель для подражания. Здесь намечается тенденция, что вполне развернется в «Войне и мире», — мощное воздействие исторического (в частности — наполеоновского) «мифа» на обычных людей — романских персонажей. Так, например, рассказанная Билибиным история о захвате моста тремя французскими маршалами воодушевляет князя Андрея. Билибин рассказывает эту «новеллу» шутливо, но князь Андрей, слушая приятеля, в очередной раз воображает свой «Тулон».

Переходя к более подробному анализу рефлексив «Ярмарки тщеславия» в «Войне и мире», заметим, что важный мотив начала XXX главы «Ярмарки тщеславия» (отказ называться «военным писателем») отчетливо звучит в черновиках «Войны и мира» и приглушеннее, но различимо — в итоговом варианте романа. В этой связи возникает необходимость сравнить описание Брюсселя, данное Теккереем в XXX главе, с толстовским описанием Москвы, накануне и после прихода в город наполеоновской армии. Напомним, что Наташа, как и Эмилия, делает свой дом пристанищем для раненых, что обуславливает ее встречу с князем Андреем. Параллель между двумя эпизодами замечает, но не комментирует С.Э. Нуралова в статье «Толстой и В.М. Теккерей», отмечая лишь, что «в трепетных заботах Наташи Ростовской

и Эмилии о раненых солдатах и юном прапорщике Томе Стабле» «много общего» (Нуралова 1989: 433). Много общего, однако много и отличного, добавим мы: Эмилия продолжает воспринимать происходящее через чувство к Джорджу, а в поступке Наташи Толстой подчеркивает возникшее желание содействовать общему делу. Тем самым автор еще раз подчеркивает, что хаосу войны действительно можно противопоставить только причастность к такому же внешне нелогичному, но по сути противоположному, духовно-созидательному движению.

Решение Ростовых (в первую очередь – Наташи) отдать подводы под раненых (важнейшая причина разорения семьи) не только контрастирует с брюссельскими свершениями Бекки, но должно прочитываться на их фоне. Обогащение Бекки и разорение Ростовых – прямые следствия весьма важных исторических событий, с одной стороны, и принципиального различия двух романских героинь – с другой. Решение Бекки остаться в Брюсселе благоразумно и приносит материальный успех. При том что в безгеройном романе Теккерея описание собственно битвы при Ватерлоо значимо отсутствует, временное обогащение героини оказывается аналогом успехов Наполеона — успехов, достигнутых за счет несчастий других. Наташа же заставляет графа и графиню поступить в высшей степени нерационально: после того, как было решено оставить вещи, из подвод выбрасывалось даже то, что могло бы уместиться. Решение Ростовых — аналог московского пожара – иррационального, неизбежного, но в конечном счете — спасительного.

В «Войне и мире» показано, как чувство собственности уступает место необъяснимой *радости* от его потери. Радости, рождающейся из *сопричастности* материальной потере всего русского народа – потере прежней Москвы. И для истории, и для жизни отдельных лиц (Наташи, Пьера, Николая, княжны Марьи) это событие станет поворотным. Предчувствие поворотов – вот как можно описать настроение Ростовых, покидающих Москву. Примечательно, что Соня, надежды которой на перемену в личной жизни (замужество) не оправдаются, по-прежнему заботится о материальных предметах и не приобщается к общему ожиданию. Еще один человек, не разделяющей радости самоотдачи, – Берг. Как и Соня, чужой в семье Ростовых и, подобно Бекки, разумный и тщеславный молодой человек, он не вливается в иррациональное движение, но представляет силу, ему противоположную. Заходя к Ростовым, он просит у графа мужика для транспортировки «шифоньерочки и туалета», которые продаются в доме Юсупова. Просьбу Берг предваряет долгим патетическим монологом, восхваляющим дух русского войска. Мелочность просьбы дискредитирует

патетику, указывая, что только личный интерес руководит поступками и высказываниями персонажа. Здесь можно вспомнить, что мотив продажи мебели присутствует и в «Ярмарке...». Проданное на аукционе и возвращенное пианино оказывается «подписью любви» – знаком верного и любящего сердца, которое Эмилия ошибочно атрибутирует Джорджу. Берг, объясняя мотивы своего намерения совершить покупку, сошлется на желание сделать сюрприз «Верушке» (Толстой 1928-1964: 11, 315). Он, казалось бы, как и Доббин, заботясь о приобретении вещи, думает о любимой женщине. Однако Толстой дает понять, что чувство, испытываемое Бергом, – не любовь, а эгоизм и стремление к комфорту. Если предположить, что Толстой предвидел «считывание» читателем теккереевского сюжета, то можно интерпретировать этот эпизод как указание на «бедность» той привязанности, которую могут испытывать персонажи-эгоисты.

Предположение о теккереевском источнике эпизодов с ранеными и продажей мебели кажется еще более убедительным, если вспомнить, что поведение Элен, ищущей нового мужа при живом Пьере, отражает мысли Бекки, оставшейся в городе после ухода Родона. Напомним, что рассказ о «затруднительном положении» Элен Толстой буквально обрамляет военно-московскими эпизодами, при этом формально нарушая хронологический ряд, сложно играя с романным временем. Автор подчеркивает в Элен способность хитростью и притворством добиваться поставленных целей. В совокупности с внутренним равнодушием эта черта сближает ее с другой замужней женщиной, манипулирующей многочисленными кавалерами, – Бекки. Правда, если Теккерей лишь осторожно предполагает, что Бекки, в то время когда ее муж был на поле боя, могла мечтать стать герцогиней и «Madame la Marechale», то жена Пьера в VI-VII главах третьей части третьего тома без какого-либо смущения ищет путь наверх, намереваясь заключить новый брак, для чего, в частности, переходит в католичество. «Набожность» Элен можно соотнести с последними страницами «Ярмарки...», из которых мы узнаем, что Ребекка погружается в дела милосердия и посещает церковь. Теккерей и Толстой отчетливо дают понять, какова цена «религиозности» двух несхожих по социальному статусу, манерам, внешности, но сущностно близких себялюбивых хищниц.

Выстроив контрастные пары (Ребекка – Эмилия, Элен – Наташа), оба писателя решают вопрос о том, какой должна быть женщина и как она может обрести счастье. Теккерей не готов пленяться ни энергичной и циничной авантюристкой «из бедных», ни доброй и благородной, но простодушной до глупости Эмилией (девушкой из

хорошего общества). Толстой, подчеркивая в Наташе искренность и иррациональность, а в Элен – рассудительность, холодность и притворство, вступает тем самым в полемический диалог с Теккереем. Толстой убежден, что чистосердечная девушка (женщина) может стать счастливой. Но путь к счастью (и само счастье) для него исключает как себялюбивое своеволие (в духе Бекки), так и душевную слепоту (в духе Эмилии). В «курагинской» истории Наташа теряет простосердечие и чистоту, она решается на авантюру (вроде бы как Бекки), которая должна привести ее к положению еще худшему, чем у наивной Эмилии, поддавшейся обаянию Джорджа Осборна. Финал романа, где Наташа выходит замуж за много лет любившего ее тайно Пьера, безусловно ориентирован на формальный *happy end* «Ярмарки тщеславия» – соединение Эмилии с много лет тайно ее любившим Доббином. Но смысловое различие этих финалов (истинное счастье обретенного дома, чреватое, впрочем, грядущими бедами, и усталое успокоение) столь же очевидно, как интеллектуальное и духовное неравенство любимого толстовского героя и честного, но недалекого английского офицера-джентльмена.

Еще один персонаж, который, вероятно, создавался Толстым с оглядкой на Теккерея, Андрей Болконский. Наброски в черновиках могут быть восприняты как попытка создать персонажа, чья судьба перекликалась бы с судьбой Джорджа Осборна (образ блестящего молодого человека сомнительных душевных качеств, погибающего в сражении на чужбине). В дальнейшем характер героя будет существенно осложнен, но, как нам кажется, следы размышлений Толстого в этом направлении останутся в беловике. Например, внутренний монолог князя Андрея накануне Аустерлицкого сражения перекликается с размышлениями Осборна. Близость мотивов (патриотические чувства, амбиции, мысли о близких) сама по себе не столь любопытна, сколько то, как прерывается поток мыслей князя. Он слышит кучера, который дразнит «старого кутузовского повара Тита» (Толстой 1928-1964: 9, 324).

Эту деталь можно воспринимать как отсылку к вранью Регула из «Ярмарки тщеславия»: во внутреннем монологе князя Андрея также звучит мотив неадекватного самовозвеличивания; имя повара, как и имя дезертира, несет отчетливые римские коннотации. Совмещая в одной сцене отсылку к двум эпизодам «Ярмарки», Толстой, возможно, выражал неуверенность в подлинности и ценности «патриотического» вдохновения, скрывающего за собой тщеславные надежды. Настоящий внутренний переворот князь Андрей переживает не до сражения, а после — под небом Аустерлица

(как затем - после Бородина). Смена «зрения» князя не имеет (и не может иметь) аналога в «Ярмарке тщеславия».

Противопоставление двух сражений – Аустерлицкого и Бородинского — играет в романе роль противопоставления двух типов войны – завоевательной и оборонительной. Различие между двумя битвами и двумя видами войны будет проговорено князем при встрече с Пьером накануне Бородина: предстоящая битва отличается от Аустерлица значением, вложенным в него русскими солдатами, офицерами, генералами, чувствующими и исполняющими свою роль в необъяснимом ходе истории; война 1805 года была насквозь фальшивым «рыцарством» и «парламентством» (Толстой 1928-1964: 11, 210). Война, по мнению князя Андрея, «не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Всё в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. А то война – это любимая забава праздных и легкомысленных людей» (Толстой 1928-1964: 11, 211).

Вспомним, что и в «Ярмарке тщеславия» Теккерей устами одного из героев резюмирует мораль своего исторического «урока». Но делает он это принципиально иначе, с присущей ему самоиронией, поместив дидактический «вывод» в сочинение «О себялюбии»/ «On Selfishness» сына погибшего при Ватерлоо Осборна. Мальчик пишет: «As a selfish man will impoverish his family and often bring them to ruin, so a selfish king brings ruin on his people and often plunges them into war». Приводя в пример печальные последствия действий Ахилла и Наполеона, маленький Осборн делает вывод: «we are not to consult our own interest and ambition, but that we are to consider the interests of others as well as our own» (Thackeray 1848: 3, 165). Позиция, которую таким образом демонстрирует Теккерей, предполагает и осмеяние фальши и порока, и насмешку над собой как автором-морализатором. Как отмечала Н.Я. Дьяконова, эта типичная стратегия писателя: борясь с господствующей фальсификацией истории, «он не был убежден в реальности победы над нею», «отсюда непрерывная игра, самоосмеяние, осмеяние принятых, утвердившихся норм и форм в искусстве». «Если и появляются у Теккеря проповеднические, серьезные интонации (чаще в поздних произведениях), то и они вытесняются иронией и сомнением» (Дьяконова 1998: 13).

Толстой раскрывает «мораль» «исторического урока» без малейшей доли иронии. Автор серьезен в интенции убедить читателя в верности своей философии. Позволяя себе насмешку над персонажами, живущим по театральным законам, автор серьезен там, где речь идет о вопросах жизни и смерти, искренности и любви. Вслед за

Теккереем признавая, что и мир, и война могут быть «кукольным театром», Толстой считает возможным (и даже должным) с помощью слова обозначить истинное бытие. Путь в настоящую, не ограниченную «ролями» жизнь открывает, по Толстому, признание таинственных и непостижимых законов истории и бессознательное следование им.

Подводя итоги, восстановим нить наших рассуждений. Мы предположили, что Теккерей, с основными произведениями которого Толстой знакомится в 1850-е гг., был воспринят русским писателем как «антигероический» писатель, что способствовало усвоению его приемов — сначала в рассказах севастьяпольского периода, а затем в «Войне и мире». Указав на ряд очевидных отсылок «Севастьяполя в мае» к «Ярмарке Тщеславия», мы обратили внимание на усложнение и детализацию композиционных и стилистических приемов Теккерей у Толстого и их актуализацию в «Войне и мире».

Вводя ряд сцен, в которых можно прочесть отсылку к Теккерее (например, мысли князя Андрея накануне Аустерлица / Джордж накануне Ватерлоо, лицемерие Элен / поведение Бекки), автор снимает ироническое звучание и усложняет «кукольную» метафору, противопоставляя мертвый мир тщеславия и лицемерия живому миру в согласии с Провидением. Контраст между «кукольным» существованием в частной и общественной жизни и «истинным» бытием выявляется Толстым на многих уровнях. На частном – в противопоставлении искренних и лицемерных героев (Наташа и Элен). На общественном – в противопоставлении двух типов исторических деятелей (Наполеон и Кутузов) и видов войны (захватнической, обусловленной частными ложными волями, и вынужденной, оборонительной, необъяснимо соотношенной с замыслом Провидения).

Библиография

- Бочаров 1987*: Бочаров, С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1987.
- Бурнашева 2000*: Бурнашева, Н. И. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — Художественные произведения: В 18 т., Т. 2, Москва: Наука, 2000.

- Бурнашева 1999*: Бурнашева, Н. И. Раннее творчество Л. Н. Толстого : Проблемы текстологии : диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01., Москва, 1999.
- Гнюсова 2008*: Гнюсова, И. Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01., Томск, 2008.
- Гусев 1957*: Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: АН СССР, 1957.
- Дьяконова 1998*: Дьяконова, Н. Я. «Литературность» Теккерей – Известия АН. Серия литературы и языка., Т. 57, 5, 1998, 3–14.
- Жилякова 2001*: Жилякова, Э. М. Л.Н. Толстой и У. Теккерей («Севастопольские рассказы» и «Английские туристы»)//Вестник томского педагогического университета// Серия: Гуманитарные науки (Филология), 1, 2001, 20–26.
- Нуралова 1989*: Нуралова, С. Э. Теккерей и Л.Н.Толстой// Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. Москва: Книжная палата, 1989.
- Татьянина 2000*: Татьянанина, А.Г. Проза молодого Л. Н. Толстого и проблема семейного романа: Автореферат дис. канд. наук; Филологические науки : 10.01.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. Каф. истории рус. лит. Москва, 2000
- Толстой 1928-1964*: Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1928-1964.
- Теккерей 1980*: Теккерей, В. М. Собрание сочинений: В 12-ти т. / Под общ. ред. А. Аникста и др. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1980.
- Шкловский 1970*: Шкловский, В. Матерьял и стиль в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Гаага: Slavistik printings and reprintings, 1970.
- Эйхенбаум 1928*: Эйхенбаум, Б.М. Лев Толстой: В 2 кн. Кн. 1: 50-е годы. Ленинград: Прибой, 1928.
- Эйхенбаум 1974*: Эйхенбаум, Б. М. Л. Толстой в «Современнике» // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. 70-е годы. Москва, 1974.
- Эйхенбаум 1922*: Эйхенбаум, Б.М. Молодой Толстой. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.
- Эйхенбаум 1969*: Эйхенбаум, Б.М. О прозе. Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1969.

Buyniak 1968: Buyniak, V. Leo Nikolaevich Tolstoy and the early English Victorian Novelists: William Makepeace Thackeray, Charles Dickens, Antony Trollope and George Eliot. Saskatoon, Saskatchewan: University of Ottawa, 1968.

Carey 1977: Carey, J. Thackeray: Prodigal Genius Faber. London: Faber and Faber, 1977.

McMaster 1971: McMaster, J. Thackeray: The Major Novels. Manchester: Manchester University Press, 1971.

Thackeray 1848: Thackeray, W. M. Vanity fair: in three volumes: a novel without a hero. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1848.

Williams 1968: Williams, I. W.M. Thackeray. London: Evans, 1968.

